

Владимир Сорокин
Сердца четырёх

Владимир Сорокин
Сердца четырёх

роман

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир Георгиевич.

С65 Сердца четырёх : роман / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2021. — 224 с.

ISBN 978-5-17-139403-5

“Сердца четырёх” — напряжённый, кровавый и на первый взгляд совершенно абсурдный квест четырёх героев, последовательно движущихся к загадочной, одной им понятной цели. Оставляя позади себя человеческие трупы, зловещая четвёрка словно совершает символический акт прощания с советским, попутно разрушая кино-литературные клише, привычные идеологемы и традиции. Как всегда у Сорокина, каждая сцена выстраивается для того, чтобы быть взорванной с особой жестокостью — будь то производственное совещание, будни министерства, новогодний семейный вечер или пассажирский поезд с весёлой проводницей, мчащийся сквозь снега на восток необъятной родины. Захватывающий финал романа происходит в заснеженном, мёртвом сибирском городе, двадцать семь лет назад пережившем свой “чернобыль” и навсегда покинутом людьми. Там Ребров, Ольга, Штаубе и Серёжа, прошедшие сквозь страдания и преступления, наконец обретут загадочное и заветное. Написанный в год обрушения СССР, роман подводит черту под соцартовским периодом в творчестве автора.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-139403-5

- © Владимир Сорокин, 1994
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
- © ООО “Издательство АСТ”, 2021
Издательство CORPUS ©

Олег толкнул дверь ногой и вошёл в булочную. Народу было немного. Он прошёл к лоткам, взял два белых по двадцать и половину чёрного. Встал в очередь за женщиной. Вскоре очередь подошла.

— Пятьдесят, — сказала седая кассирша.

Олег дал рубль.

— Ваши пятьдесят, — дала сдачу кассирша.

Прижав хлеб к груди, он двинулся к выходу. Выйдя на улицу, достал полиэтиленовый пакет, стал совать в него хлеб. Батон выскользнул из рук и упал в лужу.

— Чёрт... — Олег наклонился и поднял батон. Он был грязный и мокрый. Олег подошёл к урне и бросил в неё батон.

Затем взял пакет поудобней и двинулся к своему дому.

— Эй, парень, погоди, — окликнули сзади.

Олег оглянулся. К нему подошёл, опираясь на палку, высокий старик. На нём было серое поношенное пальто и армейская шапка-ушанка. В левой руке старик держал авоську с чёрным батоном. Лицо старика было худым и спокойным.

— Погоди, — повторил старик, — тебя как зовут?

— Меня? Олег, — ответил Олег.

— А меня Генрих Иванович. Скажи, Олег, ты сильно торопишься?

— Да нет, не очень.

Старик кивнул головой:

— Ну и ладно. Ты наверняка вон в той башне живёшь. Угадал?

— Угадали, — усмехнулся Олег.

— Совсем хорошо. А я подальше, у “Океана”. — Старик улыбнулся. — Вот что, Олег, если ты и впрямь не спешишь, давай пройдемся по нашему, так сказать, общему направлению и потолкуем. У меня к тебе разговор есть.

Они пошли рядом.

— Знаешь, Олег, больше всего на свете не терплю я, когда морали читают. Никогда этих людей не уважал. Помню, до войны ещё отдали меня летом в пионерский лагерь. И попался нам вожатый, эдакий моралист. Всё учил нас, пацанов, какими нам надо быть. Ну и короче, сбежал я из того лагеря...

Некоторое время старик шёл молча, скрипя протезом и глядя под ноги. Потом снова заговорил:

— Когда война началась, мне четырнадцать исполнилось. Тебе сколько лет?

— Тринадцать, — ответил Олег.

— Тринадцать, — повторил старик. — Ты про Ленинградскую блокаду слышал?

— Ну, слышал...

— Слышал, — повторил старик, вздохнул и продолжил. — Мы тогда с бабушкой да с младшей се-

стрённой Верочкой остались. Отца в первый день, двадцать второго июня, под Брестом. Старшего брата — под Харьковом. А маму на Васильевском, в бомбоубежище завалило. И остались мы — стар да мал. Бабуля в больницу пристроилась, Верочку на дежурства с собой брала, а я на завод пошёл. Научили меня, Олег, детской работе — снаряды для “Катюш” собирать. И за два с половиной года собрал я их столько, что хватило бы на фашистскую дивизию. Вот. Если бы не начальнички наши шивые во главе со Ждановым, город бы мог нормально продержаться. Но они тогда жопами думали, эти сволочи, и всех нас подставили: о продовольствии не позаботились, не смогли сохранить. Немцы Бадаевские склады сразу разбомбили, горели они, а мы, пацаны, смеялись. Не понимали, что нас ждёт. Сгорело всё: мука, масло, сахар. Потом, зимой, туда бабы ходили, землю отковыривали, варили, процеживали. Говорят, получался сладкий отвар. От сахара. Ну и в общем, пайка хлеба работающему 200 грамм, иждивенцу — 125. Как Ладога замёрзла, Верочку — на материк, по “дороге жизни”. Сам её в грузовик подсаживал. Бабуля крестилась, плакала: хоть она выживет. А потом уже, когда блокаду сняли, узнал — не доехала Верочка. Немцы налетели, шесть грузовиков с детьми и ранеными — под лёд...

Старик остановился, достал скомканный платок. Высморкался.

— Вот, Олег, какие были дела. Но я тебе хотел про один случай рассказать. Вторая блокадная

зима. Самое тяжёлое время. Я, может, и вынес это, потому что пацаном был. Бабуля умерла. Соседи умерли. И не одни. Каждое утро кого-то на саночках везут. А я на заводе. В литейный зайдёшь, погреешься. И опять к себе на сборку. Вот. И накануне Нового года приходит ко мне папин сослуживец. Василий Николаич Кошелев. Он к нам иногда заглядывал, консервы приносил, крупу. Бабулю хоронить помог. Заходит и говорит: ну, стахановец, одевайся. Я говорю — куда? Секрет, говорит. Новогодний подарок. Оделся. Пошли. И приводит он меня на хлебзавод. Провёл через проходную и к себе в кабинет. А он там секретарём парткома был. Дверь на ключ. Открывает сейф, достаёт хлеб нарезанный и банку тушёнки. Налил кипятку с сахарином. Ешь, говорит, стахановец. Не торопись. Навалился я на тушёнку, на хлеб. А хлеб этот, Олег, ты б, наверно, и за хлеб-то не принял. Чёрный он, как чернозём, тяжёлый, мокрый. Но тогда он для меня слаще любого торта был. Съел я всё, кипятком запил и просто опьянел, упал и встать не могу. Поднял он меня, к батарее на тюфяк положил. Спи, говорит, до утра. А он там круглые сутки работал. Отключился я, утром он меня разбудил. Опять накормил, но поменьше. А теперь, говорит, пойдём, я тебе наше хозяйство покажу. Повёл меня по цехам. Увидел я тысячи батонов, тысячи. Как во сне плывут по конвейеру. Никогда не забуду. А потом заводит он меня в кладовку. А там ящик стоял. Ящик с хлебными крошками. Знаешь, его в конце конвейера ставили и крошки

туда сыпались. Вот. Берёт Василий Николаич совок — и мне в валенки. Насыпал этих самых крошек. Ну и говорит: с Новым годом тебя, защитник Ленинграда. Ступай домой, на проходной не задерживайся. И пошёл я. Иду по городу, снег, завалы, дома разбитые. А в валенках крошки хрустят. Тепло так. Хорошо. Я тогда эти крошки на неделю растянул. Ел их понемногу. Потому и выжил, что он мне крошек этих в валенки сыпанул. Вот, Олег, и вся история. А вот и дом твой. — Старик показал палкой на башню.

Олег молчал. Старик поправил ушанку, кашлянул:

— И вот какая штука, Олег. Вспомнилось мне всё это сейчас. Когда ты батон белого хлеба в урну выбросил. Вспомнил эти крошки, бабушку окоченевшую. Соседей мёртвых, опухших от голода. Вспомнил и подумал: чёрт возьми, жизнь всё-таки сумасшедшая штука. Я тогда на хлебные крошки молился, за крысами охотился, а теперь вон белые батоны в урну швыряют. Смешно и грустно. Ради чего все эти муки? Ради чего столько смертей?

Он замолчал.

Олег помедлил немного, потом произнёс:

— Ну... знаете. Я это. В общем... ну, больше такого не повторится.

— Правда? — грустно улыбнулся старик.

— Ага.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Ну и слава Богу. А то я, признаться, волновался, когда с тобой заговорил. Думаю, послушает, послушает парень старого пердуна, да и сбежит, как я тогда из пионерского лагеря!

— Да нет, что вы. Я всё понял. Просто... ну, по глупости это. Больше никогда хлеб не брошу.

— Ну и отлично. Хорошо. Не знаю, как другие, а я в ваше поколение верю. Верю. Вы Россию спасёте. Уверен. Я тебя не задержал?

— Да нет, что вы.

— Тогда, может, теперь ты меня до дома проводишь? Вон до того.

— Конечно, провожу. Давайте вашу авоську.

— Ну, спасибо. — Старик с улыбкой передал ему авоську с хлебом, положил ему освободившуюся руку на плечо и пошёл рядом.

— А где вас ранило? — спросил Олег.

— Нога? Это отдельная история. Тоже неслабая, хоть роман пиши. Но хватит о тяжёлом. Ты в каком классе учишься?

— В шестом. Вон в той школе.

— Ага. Как учёба?

— Нормально.

— Друзья есть верные?

— Есть.

— А подруги?

Олег пожал плечами и усмехнулся.

— Ничего, пора уже мужчиной себя чувствовать. В этом возрасте надо учиться за девочками ухаживать. А через год-полтора можно уже и поебаться. Или ты думаешь — рано?

— Да нет, — засмеялся Олег. — Не думаю.

— Правильно. Я тоже тогда не думал. После блокады знаешь сколько девок да баб осталось без мужей. Бывало, идёшь по Невскому, а они так и смотрят. Завлекательно. А однажды в кино пошёл. Первое кино после блокады. “Александра Невского” показывали. А рядом женщина сидела. И вдруг в середине фильма чувствую — она мне руку на колено. Я ничего. Она ширинку расстегнула и за член меня. А сама так и дрожит. Я сижу. А она наклонилась и стала мне член сосать. Знаешь как приятно! Я прямо сразу и кончил ей в рот. А на экране — Ледовое побоище! А она мне шепчет — пошли ко мне. Ну и пошли к ней. На Литейный. Еблись с ней целые сутки. Что она только со мной не делала! Но сосать умела просто как никто. Так нежно-нежно, раз, раз — и кончаю уже. Тебе никто не сосал?

— Да нет, — мотнул головой Олег.

— Ничего, всё впереди. Вот мы и пришли! — Старик остановился возле блочной пятиэтажки. — Вот моя деревня, вот мой дом родной. Спасибо тебе за прогулку.

— Да не за что. — Олег передал старику авоську.

— Ага! А это что за дела? — Старик показал палкой на зелёный строительный вагончик, стоящий рядом с домом под деревьями. Дверь вагончика была приоткрыта.

— Я, как старый флибустьер, пройти мимо не могу. За мной, юнга! — махнул он авоськой и захромал к вагончику.

Олег двинулся следом.

— Дверь открыта, замка нет, свет не горит. Никак побывали краснокожие!

Они подошли к вагончику. Старик поднялся по ступенькам, вошёл. Нащупал выключатель, пощёлкал:

— Ага. Света нет. За мной, Олег.

Олег вошёл следом. Внутри вагончика было тесно. Пахло краской и калом. Уличный фонарь через окошко освещал стол, стулья, ящики, банки с краской и тряпье.

— Ну вот, — пробормотал старик и вдруг, отбросив палку и авоську, опустился перед Олегом на колени, неловко оттопырив протез. Его руки схватили руки Олега:

— Олег! Милый, послушай меня... я старый несчастный человек, инвалид войны и труда... милый... у меня радостей-то — хлеб да маргарин... Олег, миленький мой мальчик, прошу тебя, позволь мне пососать у тебя, милый, позволь, Христа ради!

Олег попятился к двери, но старик цепко держал его руки:

— Миленький, миленький, тебе так хорошо будет, так нежно... ты сразу поймёшь... и научишься, и с девочками тогда сразу легче будет, позволь, милый, немного, я тебе сразу... и вот я тебе десятку дам, вот, десятку!

Старик сунул руку в карман и вытащил ком бумажных денег:

— Вот, вот, десять... двадцать, четвертной, милый! Христа ради!

— Ну что... — Олег вырвал руку и выскочил за дверь, сбив со стола банку с окурками.

Потеряв равновесие, старик упал на пол и некоторое время лежал, всхлипывая и бормоча.

Вдруг в двери показалась фигура мальчика.

— Олег! Умоляю! — дёрнулся старик.

— Не Олег, — тихо ответил мальчик, входя.

— Серёжка? Следишь, стервец... Господи...

— Генрих Иванович, а я Реброву всё расскажу, — произнёс мальчик, притворяя дверь.

— Стервец, ну стервец... — заворочался старик, приподнимаясь. — Стервцы, сволочи... Господи, какие гады...

Мальчик подошёл к окну и стоял, поглядывая на старика.

Старик нашёл палку, собрал деньги и, стоя на колене, засовывал бумажки в карман пальто:

— И все против меня. Все и всё. Я же не клоун, Господи...

— Вы же договор подписали, — проговорил мальчик, — а сами опять...

— Серёжа... Серёжа! — Старик подполз к нему, обхватил его ноги, прижался лицом к куртке. — Бессердечные... люди...

Вдруг он отстранился и почти выкрикнул:

— Вот что, стервец, ты меня не учи!

— Я-то учить не буду. Ребров будет учить.

— Я плевать, плевать хотел! — затрясся старик. — Я срал и ссал на вас! Срал и ссал! Гады! Я сам ответственный! Сам!

— Мы все — сами... — Мальчик посмотрел в окно.

— И вот что, Серёжа, — строго произнёс старик. — Ты со мной не пререкайся!

— А я и не пререкаюсь. — Мальчик подышал на стекло и вытер запотевшее место пальцем.

— Ну-ка. — Старик стал расстёгивать ему штаны.

Мальчик недовольно вздохнул и стал помогать ему. Обхватив мальчика за обнажившиеся ягодицы, старик поймал ртом его маленький член и замер, постанывая. Серёжа подышал на стекло и вывел на запотевшем месте свастику. Старик стонал. Жилистые пальцы его мяли Серёжины ягодицы. Мальчик взял его за голову и стал двигаться, помогая. Старик застонал громче. Оттопыренный протез его дрожал, ударяя по ножке стола. Мальчик закрыл глаза.

Губы его открылись.

— Тесно, — проговорил он.

Старик замычал.

— Тесно, тесно... — зашептал Серёжа. — Тесно... ну... тесно...

Старик мычал. Мальчик дважды вздрогнул и перестал двигаться.

Старик отпустил его, откинулся назад и задышал жадно, всхлипывая.

— Ах... ах... сладенький... ах... — бормотал старик.

Мальчик наклонился, потянул вверх штаны.

— Ох... Божья роса... маленький... — Старик поцеловал его член, вытер губы и тяжело встал с пола.

Серёжа застегнулся, поправил куртку, достал из кармана часы на цепочке:

— Без трёх семь.

— Еби твою мать... щас, щас... фу... — Старик привалился к ящикам, взявшись рукой за грудь. — Дай подышать... охо...

— А газ? Не забыли? — спросил Серёжа.

— Всё... всё в порядке... ой. Как встал вот резко, так сразу в голову... фу... пошли... — Старик оттолкнулся от ящиков, вышел за дверь и стал осторожно спускаться по ступенькам.

— Генрих Иваныч, а хлеб? — Выходя, Серёжа заметил авоську с батоном.

— А, хуй с ним, — пробормотал старик.

Старик позвонил в дверь: три коротких, один долгий. Дверь сразу открыли, они с Серёжей быстро вошли.

— Генрих Иваныч, как это понимать? — спросил Ребров, запирая дверь на цепочку. — Серёжа?

— Как понимать, как понимать, — забормотал старик, расстёгивая пальто. — Так понимать, что мне не тридцать пять, а шестьдесят шесть...

— Виктор Валентиныч, час пик ещё не кончился. — Серёжа снял шапку и кинул её на вешалку.

— Двадцать минут! Куда это годится? — Ребров помог старику снять пальто.